

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ, Н.М. МЕЖЕВИЧ*

**ПОСТВЕСТФАЛЬСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ
В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

Аннотация. Центральным вопросом будущего глобального мироустройства становится вопрос о ключевых акторах постглобального мира. Но он неотделим от проблематики национального суверенитета. Очевидно, что десуверенизация глобальных процессов – постепенное лишение национальных государств права на суверенитет вплоть до отказа от такой формы государственной организации – пройденный этап. Мир возвращается, несмотря на сохранение целого ряда глобальных систем, к пространственности, праву субъекта на суверенитет. Этому способствует геоэкономическая регионализация в условиях допустимости военно-политических методов конкуренции. Однако это не означает, что суверенитет и как понятие, и как операционная политическая реальность может и дальше трактоваться в рамках вестфальской системы. Национальные государства, оставаясь главными носителями суверенитета, перестают обладать монополией на него. Само понятие «суверенитет» в результате как социально-экономических, так и технологических изменений последних нескольких десятилетий становится существенно более сложным, сочетая пространственные и надпространственные элементы, которые едва ли будут утрачены по мере развития процессов регионализации. Авторы констатируют невозможность возвращения к классической пространственности, на чем основана «вестфальская система», и, анализируя проявившиеся в ходе первой фазы деглобализации тенденции, формулируют основные векторы развития понятия «суверенитет» и его проявлений в конкретных политико-географических условиях. Ключевым элементом статьи становится постановка вопросов, предполагающих актуализацию проблематики теории суве-

* **Евстафьев Дмитрий Геннадиевич**, кандидат политических наук, профессор кафедры теории права и государства, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: estd1212@yandex.ru; **Межевич Николай Маратович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва, Россия), e-mail: mez13@mail.ru

ренитета в текущих политических и экономических условиях. Авторы констатируют, что если сейчас главным элементом суверенитета является пространственная защищенность, прежде всего военно-силовая, то в перспективе по мере комплексного цивилизационного размежевания на первый план выйдут вопросы защищенности социальной и социокультурной среды, ограничения степени интрузивности остающегося глобализированным информационного общества.

Ключевые слова: суверенитет; вестфальская система; постглобальный мир; регионализация; геоэкономический суверенитет; информационная безопасность.

Для цитирования: Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 121–144. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06>

Любая наука предполагает периодизацию предмета исследования. В международных отношениях выделение систем международных отношений выполняет именно эту задачу. Понимание Вестфальского мира как первой системы международных отношений в Европе, основанной на суверенитете государств, стало традиционным. Исключения есть, но их немного, при этом столь значимая оценка указанной системы договоренностей появилась более века спустя их подписания [Куприянов, 2019]. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями управления как минимум с середины XVII в. «Заклученная в Уставе ООН модель международных отношений XXI века вобрала в себя ряд принципов предшествующей ей Вестфальской модели и, прежде всего, идею государственного суверенитета и баланса сил» [Громыко, 2015, с. 6].

Идея Вестфальского мира базировалась на новом прочтении географии. Государства обозначили свой суверенитет, границы, и с тех пор географическое направление в трактовке международных отношений заняло прочное место. «Можно говорить о трех базовых подходах к анализу международных отношений. В первом – истории международных отношений – международные процессы объясняются исторической динамикой, во втором – теории (или социологии международных отношений) – они трактуются через особенности общественного устройства (политического, экономического, культурного и т.д.), наконец, в третьем – географии международных отношений, или геополитике – международные отношения анализируются через призму структуры глобального мирового пространства» [Окунев, 2019, с. 5].

Постановка проблемы, заявленной в названии данной статьи, предполагает возможность движения с двух сторон. Во-первых, возможно (и целесообразно) двигаться со стороны анализа современных подходов к суверенитету, политико-правовых и универсальных. «Именно суверенитет более, чем какой-либо иной фактор, является причиной анархии в международных отношениях» [Stoessinger, 1961, p. 10]. Подмечено верно, однако нам необходимо разобраться в механизме этого явления, уточнить влияние глобализации на суверенитет. Это позволит нам увидеть вторую сторону явления.

Во-вторых, можно оттолкнуться от современных подходов к глобализации или, точнее, – постглобализации. Именно здесь и возможны и интересны для исследования политико-географические аспекты десуверенизации и суверенизации. Сам по себе вопрос о суверенитете и тенденциях его эволюции абсолютно закономерен. «Территориальность как структурный фактор политической организации является, пожалуй, очень важной со времен оседлости. Однако ее ранние формы (условная “закрытость” племенных систем, “полузакрытость” полисных, “открытость” имперских, “полузакрытость” феодальных) были только ступеньками на пути к современной территориальности, основанной на регулировании открытости и закрытости политических систем» [Мелешкина, Кудряшова, 2022, с. 20].

Период, начавшийся с 1989–1991 гг., можно назвать триумфом глобализации. Особой формой конкуренции является спор традиционных подходов к пространственному суверенитету в сфере международных отношений и новых концепциях, таких как «смерть расстояния» (‘death of distance’) [Buhaug, Gleditsch, 2006], «мир без границ» (‘borderless world’), «конец географии» (‘the end of geography’). Объективно близки к этому подходу методики «безграничного районирования», разработанные д-ром геогр. наук, профессором Л.В. Смирнягиным [Смирнягин, 2012].

В апреле 2009 г. эксперты Всемирного банка сделали в Москве доклад, где, опираясь на теорию П. Кругмана, известнейшего экономиста и лауреата практически единственной Нобелевской премии, в названии которой имеется слово «география». Всемирный банк презентовал доклад, любезно переведенный на русский

язык, совсем не случайно¹. Это фактически позиционирование индουλгенции глобализации от экономической и политической географии. На тот момент эта индουλгенция, или верительная грамота, казалась действующей.

Классическая политическая и экономическая география исходят из того, что физическое расстояние уже не всегда является определяющей величиной при анализе международных отношений. Ее место, во-первых, занимает такая категория, как «экономическое расстояние», выражаемое не в физическом расстоянии (в километрах), а во временных и денежных издержках, необходимых для преодоления расстояния (временной и денежный эквивалент).

Принципиальное значение для измерения экономического расстояния играет транспортная доступность, понимаемая как «характер (свойство) удаленности / близости какого-либо экономико-географического объекта». Во-вторых, авторы данной статьи предлагают такую категорию, как «политическое расстояние». В мае 2022 г. из Китая в Финляндию отправился контейнерный поезд. Маршрут пролегал через Среднюю Азию (пересечение Каспия и смена модальности), Закавказье (пересечение Черного моря и смена модальности), Румынию, Словакию, Польшу (пересечение Балтики) и затем, собственно, в Финляндию. Географическое и экономическое расстояние осталось прежним – прямой железнодорожный маршрут через Россию. Политическое расстояние, стараниями финнов, оказалось несколько иным. Что же касается экономического расстояния, то подобный маршрут, в принципе, не предполагает никакой прибыли, кроме убытков.

Возвращаясь к Докладу Всемирного банка, укажем на то, что в нем было названо три направления действия стран, достигших в последнее время наибольшего успеха в экономическом развитии. Это так называемые «три D»: 1) увеличение плотности и рост городов (Density); 2) миграция населения по направлению к точкам концентрации экономики (Distance); 3) снижение разобщенности, ликвидация внутренних и внешних границ, мешающих воспользоваться преимуществами масштаба и специализации (Development) [Манаков, 2012, с. 87].

¹ Доклад Всемирного банка «World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography» / перевод с англ. Н.В. Кузнецовой отдельных разделов доклада. – М.: Весь Мир, 2009. – 408 с.

В контексте задачи, поставленной в статье, нам наиболее важна третья позиция. Именно ликвидация границ, особенно экономических, дает преимущества масштаба, которые, с точки зрения авторов данной статьи, следует рассмотреть.

В этом контексте укажем на то, что просто так жертвовать суверенитетом почти никто не хочет. Только в том случае, если участие в глобализации приводит к очевидному выигрышу, восприятие суверенитета можно скорректировать [Krugman, Venables, 1995]. До кризиса 2008–2009 гг. преимущества глобализации и логика ликвидации внешних границ были трендом мирового развития. Однако сегодня, когда «прямой маршрут» по железной дороге из Шанхая в Хельсинки пролегает через Карпаты, эффекты Кругмана работают очень избирательно.

Современный мир следует называть постглобальным, хотя в это понятие вкладывается порой совершенно различное значение и диаметрально противоположное видение перспективы развития. В этом смысле понятие «постглобальный мир», увы, начинает превращаться в некую пропагандистскую конструкцию, которую пытались приватизировать различные игроки на мировой арене подобно тому, как ранее были приватизированы понятия «демократия» и «глобализация».

Постглобальный мир неизбежно ведет к регионализации, являющейся своеобразным компромиссом между безграничной глобализацией и национальным суверенитетом. Регионализация вполне закономерно отражает и кризис системы мировой торговли в мире поздней глобализации, быстро превращавшейся в наднациональную надпространственную систему, действующую вне рамок национального права [Pomfret, 2021].

Этот вопрос уже был озвучен программным директором Международного дискуссионного клуба «Валдай», членом Экспертного совета при Правительстве России: «...регионализм как способ противодействия изоляционистским импульсам»¹.

В этих условиях вопросы границ приобретают новую актуальность. Контактная функция границ повсеместно сокращается, а барьерная нарастает. Суверенность становится переменной вели-

¹ Лисоволик Я. О расстояниях и синхронности «нового мира». – 29.10.2020. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rasstoynaniyakh-i-sinkhronnosti-novogo-mira/> (дата посещения: 20.04.2022).

чиной, в том числе и в географическом плане. Границы информационного суверенитета не совпадают с государственными, а экономический суверенитет может вообще отсутствовать.

Анализируя ситуацию, отметим две крайне важных особенности, усложняющие привычную «игру словами» в мировой политике.

- С одной стороны, в самом понятии «постглобальность» закладывается неслучайный элемент отрицания (хотя бы и частичного) процессов, ранее считавшихся безальтернативными. Эти процессы за время своего развития сформировали вокруг себя целые социально-экономические экосистемы, построенные на эксплуатации процессности.

- С другой стороны, возможный транзит к «постглобальности», что бы ни вкладывалось в это понятие, будет происходить в условиях трансформации через кризис в целом ряде важнейших сфер деятельности государств и обществ – от экономики (где финансовый кризис становится уже реальностью) до модели социального развития.

Одним из выводов в результате становится неизбежность практических трансформаций и изменения архитектуры мировой политики и экономики, которые в любом случае будут менять систему отношений между ее разнородными акторами. Неизбежность смены архитектуры глобальной политики признается на Западе неизбежной¹. Вопрос в степени управляемости и масштабах трансформаций.

Для стран «коллективного Запада» постглобальность становится, как представляется, средством легитимизировать окончательный отказ от международного права как основы поведения в мировой политике и экономике. Но и «мир правил» «коллективный Запад» во главе с США тоже уже не полностью устраивает, поскольку в «мире правил» Запад, конечно, обладал бы монополией на их политическое установление, но в той или иной степени был вынужден их соблюдать, во всяком случае некоторое время.

Под флагом постглобальности наиболее радикально-глобалистские силы на Западе – главным образом, ультра-

¹ Haass R. Present at the destruction. Trump's final act has accelerated the onset of a Post-American world // Foreign affairs. – January 11. – 2021. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction>. (accessed: 24.02.2022).

глобалисты в США – пытаются утвердить в качестве «новой нормы» глобальной политики (а косвенно – и экономики) мир с ситуативно формулируемыми правилами, реализуемыми в пространстве почти тотальной гибридности, делающей во многих случаях неразделимыми внутренние и внешние вызовы государствам и обществам, а также формирующей интегрированные политико-экономические процессы, в которых доминирование политической или экономической стороны вопроса может определяться вполне ситуативно.

Постглобальный период развития глобальной политики и экономики характеризуется сосуществованием различных моделей организации политических и экономических процессов и разрушением не только принципа универсальности моделей развития (что очевидно), но и синергичности развития, что в данном случае предопределяет возникновение значимых системных диспропорций. А это, в свою очередь, приводит к тому, что в понятие «суверенитет» вкладывается различное содержание с точки зрения не только методологического и правового толкования, но и политико-правового использования.

Со структурной точки зрения позднеглобальный мир выводит на первый план вопрос о соотношении влияния иерархических и сетевых структур, что предполагало совершенно различное понимание суверенитета – вернее, способов его демонтажа. И это противоборство вполне справедливо рассматривалось как борьба вокруг вопросов, связанных с характером власти как на внутри-страновом уровне, так и в глобальной политике [Исаев, Корнев, Липень, 2022]. Ключевой структурный вопрос постглобального мира пока в полной мере не сформировался, но, вероятно, он будет лежать в сфере противоборства пространственных и надпространственных элементов политики, что подразумевает конкуренцию различных видений национального суверенитета.

Центральным вопросом авторы считают вопрос о структуре государственного суверенитета в условиях сосуществования (относительно длительного) систем, связанных с постпространственным миром поздней глобализации и формирующимся пространственным миром.

«Вестфальский» суверенитет и география постглобального мира

Под «вестфальским суверенитетом» авторы понимают (принимая, что термин «вестфальский» не вполне корректен) суверенитет, отражавший ключевые принципы взаимодействия стран в мировой политике, на базе которых было сформировано в своей основе «международное право» – в том формате, как мы его знали последние 150 лет. Ключевыми элементами этого суверенитета были следующие.

– Пространственность, точнее пространственная универсальность. Изначальный, восходящий еще к 1648 г., принцип «кого земля, того и вера» с определенными, естественно, модификациями дожил до сегодняшнего дня. Государственные границы государства в «вестфальской системе» есть естественные пределы национального суверенитета. Однако статус этих границ менялся от рубежей безопасности и маркеров суверенитета из колючей проволоки к зоне контактов и сотрудничества, а в последние годы опять к маркерам безопасности. Сюда же следует отнести и проблему «новой акваториальности» в контексте суверенитета на море¹.

– Иерархичность. Это мир государств, по определению являющихся иерархическими структурами, но еще и мир, выстраивавшийся «сверху вниз», путем делегирования суверенных полномочий.

– Институционализация. «Вестфальский мир» – это мир дипломатии, реализуемый через расширяющийся спектр институтов. Наличие и участие в соответствующих институтах – от «Священного союза» до ООН – определяло принадлежность той или иной страны к «цивилизации». Впрочем, и здесь «золотой век» между-

¹ Подобно тому как в XVII–XVIII вв. Мировой океан был пространством дерегулированной конкуренции и одновременно важнейшим элементом мировой экономики в противовес старому порядку, основанному на церковном (в нынешних терминах – идеологически мотивированном) разделе мира между Испанской и Португальской империями [Пейн, 2017, с. 505–535]. Интеграция глобального морского пространства в геоэкономические стратегии крупнейших держав шла относительно длительное время и не отличалась последовательностью. Нечто подобное вполне может начать происходить и в глобальном информационном пространстве в случае неконтролируемого распада американоцентричной системы регулирования и операционного контроля.

народных организаций постепенно заканчивается во втором десятилетии XXI в.

– Разграничение форматов межгосударственной конкуренции. В особенности это касается разграничения понятий «мир» и «война» и создания процедуры перехода из одного состояния в другое. Правда, надо отметить, что размывание этого в действительности базового принципа организации «вестфальского мира» началось еще в начале XX в. (проект «Коминтерн» и концепция «мятеж-войны»¹). А в 1970-х годах на фоне стагнации конкуренции в формате холодной войны размывание понятий «мир» и «война» стало одним из важнейших направлений мировой политики. События, развернувшиеся после агрессии против Югославии и до текущей СВО, являются подтверждением этого типа.

Ключевой вопрос: насколько современный постглобальный мир вписывается в рамки, созданные «вестфальским суверенитетом»? Попытка анализа представлена в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение «вестфальского мира» и постглобального мира

Параметр	Вестфальский мир	Мир поздней глобализации	Современный мир, мир переходного периода	Тенденция	Перспективный постглобальный мир (прогноз)
1	2	3	4	5	6
Пространственность	Доминирующий фактор; «чья земля – того и вера»	Приоритет надпространственных систем, первичный демонтаж пространственных компонентов суверенитета	Сосуществование пространственности и надпространственности	Тенденция в пользу усиления надпространственности	Макрорегионализм с опорой на пространственный суверенитет

¹ Концепция «мятеж-войны» развивалась в работах военного теоретика белой эмиграции Е. Месснера. Применительно к современному миру она развивается Владимиром Можеговым [Можегов, 2021].

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Основные угрозы	Государства; корпорации	Межгосударственные структуры и их национальные органы; ТНК; национальные государства	Коалиции государств; отдельные национальные государства; субгосударственные участники	Относительное и, вероятно, временное уменьшение «веса» ТНК; резкое падение влияния национальных структур	Коалиции государств; экономические союзы; субгосударственные участники
Доминирующий элемент суверенитета	Политическая власть, воплощенная в юридических процедурах	Право голоса в международных институтах	Пространственная защищенность	Транзит процессов суверенизации в надпространственные системы	Информационный суверенитет
Прочие важнейшие элементы суверенитета	Традиция / религия	Наличие контролируемых инвестиционных ресурсов	Наличие суверенных механизмов генерации инвестиционных ресурсов; социокультурная (цивилизационная) самобытность	Рост значения социокультурного суверенитета; способность к цивилизационной деуниверсализации как условие развития	Цивилизационная «широкая» идентичность
Доминирующие форматы межгосударственной конкуренции	Дипломатия; классические межгосударственные войны с тенденцией к коалиционности	Гибридные войны; торговые войны; «цветные революции»	Гибридные войны с нарастающей силовой составляющей; ресурсные войны	Усиление конкуренции в борьбе за контроль над пространством и ресурсами	Контроль за информацией
Институциональный аспект	Система международных институтов, трансформирующихся в зависимости от развития международного права	Деградация институтов, созданных в период холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ) и постбиполярный период (ВТО, G20)	Деградация международных институтов; замена «права» на ситуативно определяемые «правила»	Возникновение пространств с несимметричным правовым статусом и не совпадающим пониманием международного права	Регионализация институтов; конкуренция «макрорегиональных правовых пространств»

Постглобальный мир как система: попытка методологического анализа

Постглобальный мир ставит на повестку дня вопрос о новом понимании принципов государственного суверенитета, которые можно было бы назвать «поствестфальскими». Это следует рассматривать в качестве центрального элемента современной дискуссии о перспективной архитектуре международных отношений. Термин «поствестфальский» правомерен в том смысле, что описывает систему, основанную на суверенном праве на регулирование ключевых сфер развития общества. Это право, однако, может принадлежать не только национальным государствам (существующим в той или иной форме). Наконец, это право требует реализации не только на «плоскости» – в пределах национальных границ, но и в надпространственных средах, возникших в качестве интегрирующих звеньев системы международных отношений в период глобализации. Укажем, что они вряд ли могут быть в полной мере демонтированы даже в случае по-настоящему глубокого системного кризиса.

Вопрос о поствестфальском суверенитете, т.е. способности той или иной системы (государства, корпорации, сообщества, коалиции) обеспечивать соблюдение благоприятных для себя правил игры в любой среде, где присутствуют его интересы, оказался неким интегратором крайне содержательно разрозненного политического дискурса. Иными словами, поствестфальский суверенитет является операционно обеспеченной, а не только декларируемой способностью участника глобальных или региональных экономических процессов пространственно и надпространственно обеспечивать свое право на приоритетное регулирование. Наличие классического «вестфальского» суверенитета определяет способность государства (носителем «вестфальского суверенитета», вероятно, может быть только государство) к самозащите на минимальном уровне в относительно простых условиях «конкуренции развития». Наличие как минимум элементов «вестфальского суверенитета» означает способность «большой системы» к конкуренции за влияние в глобальном мире, основанном на сочетании пространственных и постпространственных элементов развития.

Таблица 2

Структура суверенитета в постглобальном мире

Элемент суверенитета	Пространственность / надпространственность	Степень увязки внутри-страновых и внешнеполитических аспектов	Доминирующий инструмент обеспечения	Примечания
Политический	Преимущественно пространственный	Низкая	Законодательство; политическая система и политические институты	Очевиден запрос на модели постпространственности в данной сфере
Экономический	Постпространственный	Высокая	Экономическая политика; корпоративные структуры как внешние носители суверенитета	Возможность обеспечивать благоприятные для национальной экономики правила игры за пределами национальной территории
Военно-силовой	Пространственный	Высокая	Вооруженные силы; военизированные структуры (ЧВК и проч.)	Значение данного фактора суверенитета растет
Медико-санитарный	Пространственный	Высокая	Межгосударственные институты	Данный элемент суверенитета по определению выходит за национальные границы; увязанность с политическими и социальными институтами
Информационный	Постпространственный	Высокая	Государственные регуляторы; контролируемые государством каналы коммуникаций	Возникновение феномена социокоммуникационной гибридности
Социальный	Пространственный	Низкая	Органы государственной социальной политики	Элемент влияния через привлекательность социальной модели; внешний потенциал реализуется через коммуникацию, а не через действие
Социокультурный	Постпространственный	Высокая	Культурные институты; отдельные граждане и проч.	Механизм реализации «идеологического» наполнения суверенитета; потребность в социокультурной экспансии в поддержку экономической; самый мозаичный элемент суверенитета, но ближе всего стоящий к понятию «цивилизационной идентичности»

Важнейшая черта элементов суверенитета в современном понимании – разнообразность и несводимость к единому знаменателю только политическими, юридическими или организационными методами. Отметим также структурную сложность, в определенной степени диспропорциональность между отдельными компонентами суверенитета. Это формирует непреодолимый разрыв между понятием суверенитета как целостного явления и конкретными, локализованными его проявлениями.

Суверенитет в постглобальном мире, вероятно, будет носить ситуативный характер, т.е. иметь те или иные приоритетные практические проявления в зависимости от времени и пространства реализации. Это не означает, однако, принятия флюидности суверенитета, его приоритетной зависимости от внешних факторов, фактически продвигаемых странами коллективного Запада в рамках концепции «мира правил». Но это означает признание имманентной нецелостности суверенитета.

Суверенитет как фокус глобальных трансформаций

Существование различных форматов участников системы международных отношений, а значит и различных типов суверенитета, – от суверенитета наднациональных структур (например ЕС) до суверенитета отдельного человека в соотношении с обществом. Напомним, этот вопрос обсуждался еще Фридрихом Энгельсом в «Анти-Дюринге» [Энгельс, 2016, с. 83], и он не является чем-то принципиально новым и, более того, уникальным. Но превращение этого вопроса в ключевой фокус развития системы международных политических и экономических отношений происходит только в моменты слома магистральной модели развития экономики и политики, пусть даже если она и не обладала на тот момент современным уровнем универсальности.

Именно периоды и эпохи глубинных трансформаций разрушают систему ритуализации ключевых понятий. Вопрос о приоритетном формате суверенитета вышел на первый план именно сейчас не случайно. Пространство глобальной конкуренции, усложнявшееся секторально и структурно в последние 20 лет, начиная – символически – от запуска процессов глобальной сетевизации [Giddens, 2003; Кастельс, 2016], могло существовать в рамках

умеренно классической либерально-глобалистской модели мирового порядка [Киссинджер, 2017]. Однако следует признать обязательными два условия: относительно небольшое количество игроков на мировой арене, действующих в рамках совместимых моделей политики, и понимание суверенитета и политической и экономической стабильности в «ядре» глобализации, т.е. в «коллективном Западе». Во всех остальных случаях дестабилизация системы была неизбежной. По мере усложнения пространства конкуренции и появления игроков, пусть даже и относительно слабых, но действующих в рамках иных императивов развития, в частности учитывающих пресловутый фактор идентичностей, модели глобализации стали все более радикальными, провозглашая уже не только постпространственный, но постгосударственный мир [Фукуяма, 2017]. А национальный суверенитет начал восприниматься в качестве фактора, тормозящего глобализацию. Хотя нельзя не отметить, что понятие «наднационального суверенитета» или «коллективного суверенитета» так и не было полностью выработано, что, вероятно, объясняется политическими причинами.

Тормозящая глобализация создала сперва «мир разных скоростей», а затем – мир региональных блоков с разными уровнями конкуренции, развивающихся по разным моделям и с разными скоростями.

Вполне осознавая выхолощенность классической терминологии и иногда даже отбрасывая шелуху «понятий-пустышек», мы пытаемся приспособить терминологию (и методологию) прежнего мира к новому. Так получается и с вопросом о суверенитете: мы пытаемся применить классическое понимание национального суверенитета, а если быть точнее – суверенитета национальных государств, выросшего из простой до циничности формулы «кого земля, того и вера» – к миру, где структура и общественных, и межсистемных отношений принципиально изменилась. Выделим три наиболее важных изменения.

- Помимо пространственного компонента («земля») именно в период глобализации возник мощнейший надпространственный компонент, который по своей сути далеко вышел за понятие «веры», но стал элементом системы глобального политического и экономического управления. И это не только глобализированное цифровое информационное общество, хотя оно и является основой глобального мира, особенно в настоящее время [Кастельс, 2016]

(что полностью соответствует прогнозам западных социологов), но и система глобальной экономической взаимозависимости, а также институты, действующие в рамках глобальной повестки или иного, что выдается за глобальную повестку.

- Никогда в новейшей истории человечества формат участников глобальных, а тем более региональных политических и экономических процессов не был столь разнообразным и системно противоречивым с точки зрения преследуемых именно стратегических целей, а не только тактических интересов. Не просто образы будущего, но и видение архитектуры будущего мира оказываются принципиально различными. Но инструментарий достижения целей оказывается весьма схожим: даже субгосударственные участники глобальных политических и экономических процессов способны относительно быстро освоить те инструменты, которыми ранее пользовались только государства. Локально отдельные субгосударственные участники глобальной политики и экономических процессов могут оказаться существенно более эффективными, нежели национальные государства, как это, например, произошло в 2014–2021 гг. на Ближнем и Среднем Востоке.

- Все это, однако, происходит в условиях, когда мир живет практически в «едином времени», что создает пресловутый эффект единой «повестки дня», а также единого культурно-коммуникационного пространства, что в принципе подтверждает предположение одного из отцов концепции информационного общества Г.М. Маклюэна, согласно которому формат коммуникаций, их технологические возможности будут первичными по отношению к содержанию. Универсализация сферы социокультурных отношений и коммуникаций – область, где глобализация прошла дальше всего, а пандемия коронавируса эти процессы только ускорила [Евстафьев, Цыганова, 2021].

Приведенные три констатации позволяют сделать диалектический вывод: с одной стороны, все три уникальных аспекта развития нового мира так или иначе ставят вопрос о национальном суверенитете, т.е. о приоритете в определении правил игры (локальных и / или универсальных), но никаких указаний на то, что именно национальные государства априори являются лидерами в борьбе за суверенитет, пока нет. Напротив, конкуренция между субъектами мировой политики и субъектами экономического раз-

вития существенно обострилась, приобретая при этом крайне сложные «нецельные» формы.

Пять вопросов о суверенитете в постглобальном мире

Придется констатировать, что «поствестфальский» суверенитет как система еще находится даже не в процессе формирования, а в процессе осмысления и принятия как некоей долгосрочной данности, что потребует существенного изменения политической ментальности, свойственной современным элитам во всем мире, причем не через возврат к видению мира по образцу холодной войны, а в более сложном и содержательно объемном виде. Мы, на самом деле, не до конца понимаем структуру и особенности того мира, который планируем переформатировать, его ключевых основ.

Первое. Каково текущее соотношение пространственного и надпространственного суверенитета и как оно может меняться по мере продвижения к постглобальному миру? Асимметрия целей, а значит – асимметрия суверенитетов. Для США абсолютно критично сохранение надпространственного доминирования, а значит, де-факто американский суверенитет над информационным обществом должен быть абсолютным. Но является ли надпространственный суверенитет столь же критичным для иных участников системы международных отношений? Вероятно, на этот вопрос придется отвечать положительно: современный мир – это не просто мир тотальной гибридности, но и система, развивающаяся в результате взаимовлияния пространственных и надпространственных систем. Наиболее значимыми из них на сегодняшний день остаются глобальные наднациональные финансы, основанные на долларовой системе, и информационное общество, само по себе являющееся объектом борьбы за приоритет корпоративной или национально-государственной регулятивности. Отсутствие возможностей обеспечивать суверенность того или иного игрока в надпространственных системах делает потенциал его суверенитета заведомо неполным. В этих условиях возврат к малому, но своему, становится способом адаптации. «Все универсальные братства, будь то коммунизм, исланизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли,

который выступает в качестве необычайно эффективного символа» [Featherstone, Lash, Robertson, 1995, p. 33].

Второе. Что такое в современном понимании «геоэкономический суверенитет», становящийся естественным решением для снятия остроты геоэкономических уязвимостей крупнейших стран в современных условиях? И может ли он быть обеспечен вне прямого контроля над большими по пространственным масштабам и населенности рынками? Это более сложный вопрос, выводящий нас на проблему геоэкономической самодостаточности различных государств и невозможности ее обеспечения в условиях глобализации не только для малых государств, но даже и для средних. Вопрос в том, что постглобализация предполагает распад части сложившихся ранее инструментов взаимозависимости и цепочек поставок. Это в «тестовом» формате произошло в период введения пандемических ограничений. Что как минимум поставило вопрос о неизбежности формирования «экономического потенциала выживания», обеспечивающего стабилизацию социально-экономической ситуации в стране (или крупной экономической системе) в случае возникновения масштабной геоэкономической турбулентности с выходом за рамки функционирования экономических систем мирного времени. Но вопрос о геоэкономической составляющей суверенитета неотделим от вопроса о новой конфигурации глобальной экономики [Ергин, 2021], переживающей крайне противоречивые процессы.

Третье. Может ли обеспечиваться национальный суверенитет в тех элементах системы развитой глобализации, которые являлись заведомо надпространственными, но остаются актуальными и в постглобальном мире (информационное общество, финансово-инвестиционная система)? И если да, то каковым может быть инструментарий такого обеспечения? Вероятно, на этот вопрос можно также ответить положительно, рассматривая «обеспечение» исключительно как процесс, но не как устойчивый результат. Но и в этом случае операционно неизбежным становится некое «разграничивание», устанавливающее пределы регулятивности актора, но как правило выходящее (в силу логики регулирования) за рамки его пространственного присутствия и контроля. И это одно из главных противоречий постглобальности – между почти неизбежной новой суверенизацией пространства и потребностью ограничить влияние надпространственных систем. Пока данное противоречие выглядит неразрешимым в рамках национальных

государств, но технологически решаемым в рамках более широких коалиций, что опять-таки формирует очевидное противоречие.

Четвертое. Из предыдущего вопроса вытекает и другой: может ли национальный политический суверенитет сосуществовать с коалиционной геэкономической защищенностью? Проще говоря, могут ли вопросы экономической безопасности до известной степени быть отделены от политических факторов межгосударственного взаимодействия, особенно учитывая усиливающуюся политико-экономическую гибридность современного мира? Или же интегрированный коалиционный суверенитет, когда страны и / или иные структуры субнационального уровня (структурные прецеденты такого рода имелись, например РСФСР изначально составляли участники совершенно различного уровня: губернии, автономные республики, трудовые коммуны – фактически пространственно локализованные корпоратизированные структуры, к которым в дальнейшем добавилось и формально независимое государство – ДВР) делегируют секторальный суверенитет наднациональным органам, утрачивая и часть пространственного (границы).

Пятое. Может ли существовать суверенитет (пусть даже и проявляющийся ситуативно) у негосударственных участников системы международных отношений? Или для реализации права на суверенность обязательно участие государства в том или ином формате? Вероятно, это один из наиболее сложных вопросов, выходящий за рамки только проблемы «суверенитета», и он выводит нас на проблему соотношения и взаимопроникновения различных «сред обитания» значимых игроков мировой политики и экономики. Этот вопрос напрямую затрагивает «иерархию статуса» и возможностей участников глобальной политики. Вероятно, следует предположить, что ключевая «линия разделения» акторов глобальной политики нового мира будет проходить как раз между национальными и наднациональными (коалиционными, но с элементами интеграции) участниками системы. Субгосударственные участники системы международных отношений будут способны проявлять свой потенциал только в возникающих в процессе конкуренции крупнейших игроков «серых зонах», и это вряд ли будет связано с реализацией полноценного суверенитета.

Естественным выводом в связи с этим является констатация того, что классический национально-пространственный суверенитет, во многом справедливо именуемый «вестфальским», является

недостаточным для постглобального мира – мира гибридной конкуренции, сочетающей пространственность и надпространственность.

Вместо заключения: от многослойности конкуренции – к многослойности суверенитета

Современный мир правомерно называют миром тотальной политико-экономической гибридности, где суть процессов и их ключевые аспекты, включая и соотношения политических и экономических факторов развития, определяются не только пространственно локализованно, но и ситуативно, в зависимости от соотношения сил в данный конкретный момент времени. Это является отражением не только ситуации вялотекущего распада глобального институционального пространства и замены международного и регионального права «правилами», определяемыми ситуативно, но и общего нарастания мотивов социального постмодерна в мироощущении глобальных элит и в их политическом поведении. Но это означает, что и суверенитет превращается в некое релятивистское понятие, существующее в зависимости от того, признают ли его «здесь и сейчас» силы, обладающие «здесь и сейчас» возможностями влияния, или нет.

В этом смысле «вестфальский суверенитет» является как минимум уходящей геополитической реальностью, которая может использоваться в дипломатических и политических коммуникациях, но вряд ли может рассматриваться как операционная основа для формирования новой постглобальной системы отношений, включая формирование геоэкономических макрорегионов, остающееся несмотря на относительно медленные темпы развития ключевым направлением трансформаций постглобального мира.

Вывод о том, что суверенитет уже не может быть обеспечен только политико-правовыми средствами, становится таким образом некоей банальностью, хотя и не признаваемой публично. Ибо ситуативность суверенитета в мире разрушенных институтов затронет всех участников глобально значимых процессов вне зависимости от их «веса» в международных политических или экономических отношениях. Показательно, что даже в США, одном из инициаторов разрушения классических принципов суверенитета,

возникла дискуссия о соотношении права государства и корпораций на регулирование информационного общества, а значит, и связанных с ним систем.

Как могут выглядеть компоненты «поствестфальского суверенитета»? Законченный ответ на этот вопрос вряд ли может быть получен до того момента, как станут окончательно понятны «структура среды» глобальной конкуренции и хотя бы промежуточный состав участников «большой» и «малых» игр. Ведь постглобальный мир, помимо того что неизбежно будет миром сосуществования пространственных и постпространственных компонентов, будет миром, где одновременно станет вестись не только «большая игра» великих держав, количество которых очевидно невелико, но и «малые игры» с ограниченными локализованными целями. И все это будет создавать сложное противоречие различных методов, интересов и проч. Именно это определит ключевое свойство «поствестфальского суверенитета»: ситуативность существования и синтетический характер инструментария обеспечения.

На данном этапе сформулируем следующие выводы:

Суверенитет в современном мире есть явление операционное, а не формальное, а значит, вопрос суверенитета есть вопрос наличия локально оптимизированного инструментария для обеспечения и политической воли, чтобы его применить.

- Пространственная безопасность остается главным компонентом суверенитета в постглобальную эпоху. Не имея элементов пространственного суверенитета, достигаемых через защищенность от военно-силовых и военно-политических угроз любого типа, нелегко думать о чем-то большем.

- Критичной для суверенности становится относительная цифровая самодостаточность, способная обеспечивать если не проецирование правил игры в среду цифровых коммуникаций и систем управления, то как минимум защиту наиболее важных систем управления на национальном уровне. В какой-то мере речь идет о некоем «спящем» потенциале цифровой суверенизации, за исключением систем цифровых финансовых расчетов – наиболее очевидной потребности сегодняшнего дня.

- Продовольственный суверенитет, понимаемый как способность избежать кризисных социально-экономических последствий при выходе из системы мировой продовольственной торговли на закритические режимы или введении продовольственной

блокады страны. Продовольственный суверенитет наряду с санитарным становится важнейшим компонентом операционного суверенитета на уровне государства.

- Социокультурный суверенитет становится одним из наиболее важных компонентов национального суверенитета. Он включает в себя широкий спектр вопросов, связанных со способностью общества и государства к стратегической самоидентификации по отношению к региональным и глобальным процессам и крупнейшим игрокам сегодняшнего мира.

И самое последнее. Мы помним о том, что Россия была указана в тексте Вестфальского мира в качестве одного из гарантов его выполнения и – союзника Швеции. Иными словами, Россия была признанной частью Европы задолго до Ялты и Потсдама. Вернемся в сегодняшний день. «На большей части внешнего периметра Россия окружена государствами, которые не в состоянии решить вопросы собственного развития и безопасности с опорой только на внутренние ресурсы. Это делает Россию основным центром силы на этом пространстве, создает ожидания со стороны соседей и способствует вовлечению третьих держав. Однако последнее допустимо до тех пор, пока оно не ограничивает суверенитет стран-соседей» [Бордачев, 2019, с. 5].

D.G. Evstafiev, N.M. Meghevich* **Post-westphalian sovereignty in the post-global world**

Abstract. The issue of the major actors of the global political and economic development obviously became the central one in the on-going discourse over the perspective global architecture. One cannot disengage that issue from the problem of the nature of the national sovereignty in the perspective world. It is obvious that the de-sovereignization of the global processes, gradual stripping of the nation-states from the right for sovereignty as well as dismantlement of the state as the form of society organization are the features of the departed historical period. Despite preservation of a number of globalized systems the world returns to the model of a spatial world that ultimately provides for right of the actor for sovereignty. That transformation is stimulated by the trend for geo-economic regionalization that at this point included the military political instruments of competition. That however does not mean that sovereignty

* **Evstafiev Dmitry**, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia), e-mail: estd1212@yandex.ru; **Mezhevich Nikolai**, Institute of Europe of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mez13@mail.ru

as a phenomenon, notion as well as a political practice could be further interpreted within the framework of Westphalian system. Nation states that obviously remain vehicles for national sovereignty no longer enjoy ultimate monopoly exploiting sovereignty as an operational concept. The very notion of sovereignty due to the socio-economic as well as technological transformations of past decades becomes much more complex while merging spatial and trans-spatial components especially considering the fact that globalized segments of the international architecture will remain in place for the foreseeable future despite the geo-economic and geopolitical regionalization. Authors make the conclusion that the return to the «classic» purely spatial basis of the Westphalian system is no longer possible. While generalizing the trends that emerged during the initial phase of the on-going de-globalization try to formulate the major vectors of transformation of the operational substance of sovereignty and the specifics of its manifestation in specific political and geographical environments. The key element of the article is the attempt to outline the issues that are critical for further exploration and analysis of the transformation of the sovereignty. Authors claim that in contrast to current situation when the cornerstone of the sovereignty is the spatial security first of all in the military dimension the future world that would reside upon the principles of civilizational disengagement will demand a more robust approach to the issues of social and socio-cultural environment protection including those that could provide for the limitation of the level of intrusiveness of the globalized informational society into national informational environment.

Keywords: sovereignty; Westphalian system; post-global world; regionalization; geo-economic sovereignty; informational security.

For citation: Evstafiev D.G., Megevich N.M. Post-westphalian sovereignty in the post-global world. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 121–144. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06>

References

- Bordachev T. *The environment without borders: Russia and its neighbors*. Moscow: Valdai discussion club, 2021, 32 p. (In Russ.)
- Buhaug H., Gleditsch N.P. The Death of distance? The globalization of armed conflict. In: Kahler M., Walter B. (eds). *Territoriality and conflict in an era of globalization*. New York: Cambridge university press, 2006, P. 187–216.
- Castels M. *Communication power*. Moscow: Publishing house of the National research university higher school of economics, 2016, 564, p. (In Russ.)
- Engels F. *Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft*. Moscow: LENAND Publishing House, 2016, 504 p. (In Russ.)
- Fukuyama F. *Political order and political decay*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 704 p. (In Russ.)
- Giddens A. *Runaway world: how globalization is reshaping our lives*. New York: Routledge, 2003, 104 p.
- Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds). *Global modernities*. London: SAGE Publication, 1995, 292 p. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446250563>

- Gromyko A. Editorial. Forward to the past? *Contemporary Europe*. 2015, N 1, P. 5–10.
- Isayev I.A., Kornev A.V., Lipen S.V. *Hierarchy and nets. Power and the law*. Moscow: Prospect publishing house, 2022, 200 p. (In Russ.)
- Kissinger H. *World order*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 512 p. (In Russ.)
- Kupriyanov A. The «Westphalian myth» and «Westphalian» sovereignty. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2019, Vol. 4, N 11, P. 11–23. DOI: <https://doi.org/10.20542/AFIJ-2019-4-11-23> (In Russ.)
- Krugman P., Venables A. Globalization and the inequality of nations. *The quarterly journal of economics*. 1995, Vol. 110, N 4, P. 857–880. DOI: <https://doi.org/10.2307/2946642>
- Manakov A. New economic geography and evaluation of its applicability in Russia. *Bulletin of Pskov state University. Nature and physics and mathematics science series*. 2012, N 1, P. 84–90. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu., Kudryashova I.V. After empires: beating swords into ploughshares. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01> (In Russ.)
- Mozhegov V. *Civil World War*. Moscow: Rodina, 2021, 224 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. Geography of international relations: structure and elements of the world political space. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16> (In Russ.)
- Pain L. *The sea and civilization. A Maritime history of the world*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 832 p. (In Russ.)
- Pomfret R. Regionalism' and the global trade system. *The World economy*. 2021, Vol. 44, N 9, P. 2496–251421. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.13155>
- Stoessinger J. *The might of nations. World politics in our time*. New York: Random House, 1961, 136 p.
- Smirniagin L.V. Unlimited zonation and fluid factors as the means for understanding the geographic reality. In: *IX Socratic readings. The problems of geographic realities*. Moscow: Eslan Publishers, 2012, P. 191–200. Mode of access: <http://www.eoross.ru/files/books2012/IX%20Sokr.%20cht,%202012.pdf> (accessed: 21.06.2022) (In Russ.)
- Yergin D. *The new map. Energy, climate and the clash of nations*. Moscow: Alpina Business Publishers, 2021, 444 p. (In Russ.)
- Yevstafiev D., Ciganova L. Socio-cultural relations and communications in the post-pandemic world: global reversal or situational crisis of postmodernism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2021, N 5, P. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990017291-2> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бордачев Т.В. Пространство без границ: Россия и ее соседи. – М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. – 32 с.
- Громько А.А. Вперёд в прошлое? // Современная Европа. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

- Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* Социокультурные отношения и коммуникации в постпандемическом мире: глобальный разворот или ситуативный кризис пост-модерна // *Общественные науки и современность*. – 2021. – № 5. – С. 18–29. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990017291-2>
- Ергин Д.* Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 444 с.
- Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В.* Иерархия и сети. Власть и закон. – М.: Проспект, 2022. – 200 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. под науч. ред. А.И. Черных – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 512 с.
- Куприянов А.В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет. Анализ и прогноз // *Журнал ИМЭМО РАН*. – 2019. – № 4. – С. 11–23. – DOI: <https://doi.org/10.20542/AFIJ-2019-4-11-23>
- Манаков А.Г.* «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. – 2012. – № 1. – С. 84–90.
- Межегов В.* Мировая гражданская война. – М.: Родина, 2021. – 224 с.
- Мелешикина Е.Ю., Кудряшова И.В.* После империй: можно ли перековать мечи на орала? // *Политическая наука*. – 2022. – № 1. – С. 14–51. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>
- Окунев И.Ю.* География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>
- Пейн Л.* Море и цивилизация. Мировая в история в свете развития мореходства / пер. с англ. – Москва: АСТ, 2017. – 832 с.
- Смирнягин Л.В.* Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // *IX Сократические чтения. Проблемы географической реальности*. – М.: Эслан, 2012. – Р. 191–200. – Режим доступа: <http://www.ecoross.ru/files/books2012/IX%20Sokr.%20cht.%,%202012.pdf> (дата посещения: 21.06.2022).
- Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка / пер. с англ. – М.: АСТ, 2017. – 704 с.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / пер. с нем. Издание 2 е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 504 с.